

Превратна участь этого образка. Хохлакова говорит Петру Ильичу Перхотину: «Если он (Митя. — Л. С.) убил теперь не меня, а только отца своего, то, наверное, потому, что тут видимый перст Божий, меня охранявший, да и сверх того, сам он постыдился убить, потому что я ему сама, здесь, на этом месте, надела на шею образок с мощей Варвары-великомученицы... И как же я была близка в ту минуту от смерти, я ведь совсем подошла к нему, вплоть, и он всю свою шею мне вытянул!.. Знаете, я не верю в чудеса, но этот образок и это явное чудо со мною теперь — это меня потрясает, и я начинаю опять верить во всё что угодно» (14; 404). Здесь каждое слово — ложь и фальшь, искажение и перевертыш. Символично, что далее следы образка теряются — о нем более ничего не было сказано, и он исчезает с Митиной шеи, как и та ладанка, в которую были зашиты Катины деньги. Так кредитка может стать знаком истинной веры, а ни в чем не повинный образок — атрибутом пародии и карикатуры: все зависит от того, в чьих руках окажется сакральное и обыденное.

Человечность, сострадательность, прямое участие в человеке, деятельная доброта — вот истинные коды его переписки с Фонвизиной. Каторжанину и ссыльной невдомек, что их исповедальные письма могут быть подвергнуты тесту на «правильность и твердость веросознания», что принципы человечности и сострадания, которые торжествуют в их эпистолярном общении, когда-нибудь кто-нибудь объяснит гибельным влиянием секулярного гуманизма или вольтерьянства. Напротив, именно сострадание — самое точное, самое прочное свидетельство христианской веры.

Экземпляр Евангелия, подаренного Достоевскому в Тобольске Н. Д. Фонвизиной, таит пометы писателя, сделанные уже после каторги и полностью вошедшие в замысел романа о «прекрасном человеке». «Заповедь новую вам даю, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»; «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»²⁷.

²⁷ Ин. 15: 34; 15: 13. См. о маргиналиях Достоевского в Евангелии от Иоанна: 9: 396.

«Сострадание — всё христианство» (9; 270) — так звучит в черновиках к «Идиоту» сокровенное убеждение князя Мышкина. В основной текст романа этот афоризм войдет как фундаментальное положение, относящееся к сущности христианства: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8; 192).

«Если нет Бога, — возражает князю Мышкину (и Достоевскому) религиозный филолог, — то действительно “сострадание — всё христианство”, и это значит, что христианства нет»²⁸. Но возражение в данном случае обращено не по адресу: в символе веры Достоевского Бог — есть (если только **видеть это слово у Достоевского и верить этому слову**). Мысль Достоевского в таком случае проста: кто бы и как бы ни декларировал свою веру в Бога, но сострадать не умел и не хотел, тому нечего делать в христианстве — без сострадания, главнейшего закона человеческого бытия, христианства просто нет и в помине. Здесь и в самом деле стержневой вопрос понимания христианства: что есть его

²⁸ Т. А. Касаткина. «Христос вне истины» в творчестве Достоевского. С. 118.